

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111:811.72

СЛОВА-ОБРАЗЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРАЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Е.Б. Гришаева

Аннотация. В диахронической перспективе рассматривается пополнение лексического корпуса плюрицентричного английского языка за счет заимствований из языков коренного населения Австралии. Особое внимание уделяется междисциплинарному исследованию национальных словесных образов на основе так называемых слов-эндемиков, отражающих особенности природно-географической среды Зеленого континента.

Ключевые слова: языки коренного населения; языки аборигенов; диалекты; национальные словесные образы; кенгуру; мимоза; флора; фауна.

Изучение национальных образов мира, складывающихся из национальных словесных образов, чрезвычайно важно для таких междисциплинарных научных направлений, как лексикология и теория межкультурной коммуникации. Словесное выражение образа, как известно, обусловлено законами номинации языка, само же возникновение и характер определяются внутренней формой слова и его внешними ассоциативными связями [1, 2].

Слово, будучи основной единицей языка, с одной стороны, отражает связь языка, мышления и внеязыковой действительности, с другой – является выражением соответствующей культуры. К разряду безэквивалентной, коннотативной, фоновой лексики относятся, в частности, реалии, отражающие особенности природно-географической среды, в которой живет народ – носитель языка.

В разные периоды своей истории английский язык являл собой язык, изобилующий заимствованиями из контактных языков: норманского французского, латинского, греческого и итальянского. В эпоху колониальной экспансии английский язык пополнился за счет заимствований из языков коренного населения и других иммигрантских языков европейского происхождения.

Словарь *Australian National Dictionary* содержит 10 000 австралианизмов, слов, заимствованных из языков аборигенов. Разумеется, не все они узнаваемы за пределами Зеленого континента, но для австралийского населения с ними связан ряд стереотипных ассоциаций, закрепленных в фоновых знаниях народа-носителя.

Абсолютным большинством заимствованных слов являются слова-существительные, обозначающие животных (*gulawan>gula>Coola>koolah>coala, gogobera>kookaburra*); растения (*wirna, mulga*); орудия (*kylie, boomerang*), а также предметы быта, окружающей среды и многих аспектов культуры коренного населения, его религиозных верований и церемониальных ритуалов. Как правило, заимствованные слова проникали в язык колонистов исключительно с прагматической целью: британцы не могли обходиться без этих слов-концептов, сопровождавших взаимодействие с контактирующими языками и культурами.

Безэквивалентная, коннотативная и фоновая лексика, содержащая культурный компонент значения, концентрировано выражает особенности семантики и, по словам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «требуется для своего распределечивания сочетания лингвистических и лингвострановедческих знаний» (цит. по: [3. С. 172]).

К фоновой лексике относят денотативные реалии, не имеющие словесных соответствий в других языках из-за отсутствия подходящих реалий либо из-за отсутствия лексических единиц, обозначающих эти реалии. Чаще всего такая лексика заимствуется либо переводится описательно, например *крик, буш, аутбэк, коала, бушрейнджер*.

Как правило, названия эндемиков и широко распространенных животных и растений становятся названиями-символами. Безусловным лидером среди анималистических символов Австралии является кенгуру – одно из первых слов, которое проникло в английский язык из языка коренных жителей the Guugu Yimidhirr.

Известно, что капитан Дж. Кук, причалив на корабле Endeavour в Ботани Бэй (штат Новый Южный Уэльс), 23 июня 1770 г. записал в корабельном журнале, что один из членов его команды увидел экзотическое животное: «One of the men saw an animal something less than a grey hound, it was of a Mouse colour very slender made and swift of foot» [4. P. 1]. 4 августа того же года Дж. Кук писал, что местные жители называют это животное Kangoogo, or Kanguru.

По возвращении Дж. Кука и Дж. Бэнкса в Англию слово быстро вошло в обиход англичан. Известный английский лексикограф, автор-составитель знаменитого *Dictionary of the English Language* (1775) доктор Сэмюэл Джонсон умело изображал невиданное животное на званых ужинах для английской знати: «The appearance, conformation, and habits of the quadruped were of the most singular kind; and in order to render his description more vivid and graphic, Johnson rose from the table and volunteered an imitation of the animal. The company stared; and Mr Grant said nothing could be more ludicrous than the appearance of a tall, heavy, grave-looking man, like Dr Johnson, standing up to mimic the shape and motions of a kangaroo. He stood erect, put out his hands like feelers, and, gathering up the tails of his huge brown coat so as to resemble the pouch of the animal, made two or three vigorous bounds across the room» [4. P. 2].

Слово *kangaroo* с легкой руки Дж. Бэнкса получило интернациональное звучание, будучи зафиксированным в 1787 г. в его словаре *New Holland Language*. Впоследствии оно приобрело родовое значение. В новой английской колонии словом *kangaroo* стали обозначать животных. Данный факт приводил в смятение коренное население Австралии, непривычное к употреблению слова *kangaroo* для обозначения *patagarams* и *wallabies*, разновидностей кенгуру в современном смысле этого слова. Лишь спустя некоторое время нашлось объяснение данному недоразумению. Член морского корпуса Первого флота Уоткин Тенч писал в 1790 г., что, по всей видимости, капитан Кук совершил ошибку, неточно употребляя слово *кенгуру*. В районе Сиднея животное называли *patagaram*, а в Куктауне *kangaroo*.

Дело в том, что когда капитан Дж. Кук спросил у представителя коренного населения, как называется это животное, тот ему ответил *kangaroo*, что буквально означало на языке народа the Guugu Yimidhirr «Я не знаю». Как выяснилось, Кук взял на вооружение слово *кенгуру*, которое на местном диалекте обозначало большое и черное *кенгуру* *Macropus robustus*.

Открыв эпоху заимствований из языков коренного населения, слово *кенгуру* получило невероятно широкое употребление в австралийском варианте английского языка. С 1930-х гг. им называют членов австралийской регбийной лиги. Ранее, в 1880–1890 гг., словом *кенгуру* обозначили игроков австралийской команды по крикету. Австралийских солдат обеих мировых войн также называли кенгуру.

В начале XX в. для обозначения австралийца получило широкое распространение слово *kangaroo*. Оно вошло в состав сложных слов для обозначения растений и других животных, например *kangaroo apple* (произрастающий в южной и восточной Австралии кустарник со съедобными плодами яйцевидной формы), *kangaroo bush* (разновидность акации, произрастающей в засушливых районах), *kangaroo grass* (растущая пучком (кочкой) трава, распространенная по всей территории Австралии), *kangaroo rat* (небольшого размера кенгуру, обладающее прыгучестью и переносящее на хвосте строительный материал для своих гнезд), *kangaroo fish* (разновидность лососевых, обитающих в тропических водах северной Австралии и в водах штата Квинсланд) и т.д.

В современном австралийском варианте английского языка употребляются такие сложные сочетания, как *kangaroo bar (bulbar)* (расположенная в передней части автомобиля решетка из прочного металла, защищающая его в случаях столкновения с животными, в частности с кенгуру). Е.г.: «His vehicle was a late-model bone-white station wagon with plenty of chrome and massive kangaroo-bars forming a protective grid in front of the radiator grille» (Его многоместный автомобиль был последней маркой фургона-универсала, весь отделанный хромом и покрытый матовой белой эмалью. Спереди на радиаторной решетке выступал габаритный кенгурятник, защищающий автомобиль от столкновений с препятствием),

kangaroo route (the Qantas route to London via Singapore – перелет авиакомпаний Квантас из Сиднея в Лондон с посадкой в Сингапуре), *kangaroo start* (a jerking start by a motor vehicle – резкий старт мотора), *kangaroo steamer* (a stew made from kangaroo meat – жаркое из мяса кенгуру). Слово сочетанием *kangaroo paw* обозначают распространенное в Юго-Западной Австралии цветочное растение, напоминающее удлиненную лапку кенгуру; цветочная эмблема Западной Австралии.

Любопытно, но выражения, имеющие в своем составе слово *кенгуру*, стали появляться за пределами Австралии в совершенно других социокультурных ситуациях. Так, например, для обозначения суда, состоящего из людей, не имеющих никаких законных оснований и полномочий (*суд забастовщиков, суд заключенных, суд мятежников*), появилось выражение *kangaroo court*. Данное выражение получило широкое употребление в 1853 г. на предприятиях золотодобывающей промышленности в Америке. Выражение *kangaroo closure*, означающее «допущение председателем парламентской комиссии обсуждения лишь некоторых поправок к законопроекту», также свидетельствует об интернационализации терминологии. Напротив, фраза «to have kangaroos in the top paddock» означает «to be crazy or eccentric» (быть сумасшедшим или эксцентричным). «If you show signs of mental weakness you are either balmy, dotty, ratty, or you may even have... kangaroos in your top paddock» употребляется исключительно в австралийском контексте (Если ты проявляешь признаки слабоумия, то ты либо глуп, «с приветом», жалок, либо ты далек от реальности, чудак) [5. С. 58].

Процесс словообразования в современном австралийском варианте английского языка далек до завершения. Слово *kangaroo* продолжает формирование новых терминов. Так, словосочетание *kangaroo nugget* обозначает монету из золота высокой чистоты весом в 1 унцию, отчеканенную в Перте в середине 1980-х гг. Или другой пример: также в середине 1980-х гг. для обозначения видоизмененной игры в крикет, когда использовались мягкий мяч и пластиковая бита, в обиход вошло выражение *kanga cricket*. По свидетельствам респондентов Национального лексикографического центра, в английском языке местного населения широко употребляется выражение *kangaroo marriage* для обозначения того, кто не связан ни с европейским законодательством, ни, тем более, с законами коренного населения Австралии: «hop on, hop off, and hop away».

В общеупотребительном австралийском английском языке и в настоящее время происходят словообразовательные процессы с использованием части слова *kangaroo*, а именно суффикса -гоо. Мужская футбольная команда обозначается словом *Soccegoos*, женская сборная по хоккею – *Hockeygoos*, олимпийская сборная по футболу – *Olygoos* [4. С. 16]. Нередко процесс заимствования сопровождался неверным этимологическим толкованием. Так, небольшого размера кенгуру (*wallaby*) стали называть *pademelon* > *paddy-melon* > *pademelon* a *small wallaby* (*Paddy* – шутливое прозвище ирландца).

Кроме того, для обозначения небольших млекопитающих животных в языке коренного населения, жившего на территории современного Сиднея, употреблялось слово *wallaby*: *black-gloved wallaby*, *brush wallaby*, *hare wallaby*, *nail-tailed wallaby*, *rock wallaby*, *swamp wallaby*, *whiptail wallaby*.

Выражение *wallaby track* (бездомный, бродяжнический) буквально означало «*path worn by a wallaby*» (тропинка, избитая валаби (кенгуру)), впервые зафиксировано в 1849 г. Уже через три года оно стало использоваться для обозначения сезонного рабочего. Данное выражение постепенно стало употребляться в усеченной форме: *on the wallaby* – быть на заработках. Впоследствии словом *wallaby* стали обозначать кочующего сельского работника. Ср.: «*Three cooks were kept during the “wallaby” season – one for the house, one for the men, and one for the travelers*» (1869) (В период сезонных работ держали трех кашеваров: один готовил еду в доме, другой – рабочим, а третий – путешественникам) [6. С. 41].

До сих пор в современном языке бытует выражение *on the wallaby* для обозначения армий кочевников и путешествующих по Австралии в своих камперванах пенсионеров. Ср.: «*“What’s the attraction of spending six or seven months a year on the wallaby?” “What else can you do when you’re retired – in my age?” Joe says. “I get a lot of pleasure out of it. Rather than stay in the murky city, get out in the fresh air”* [7. P. 6].

Слова-существительные нередко употреблялись в словосочетаниях как прилагательные и вносили некое уточнение их значения, как, например, *gibber stone* (камень определенной формы), *a gilgai hole* (отверстие в определенного вида почве), *mulga scrub* (скраб, в состав которого входит австралийская акация или мимоза).

Слово *mulga* пришло из языка, который некогда был распространен среди коренных жителей современных штатов Новый Южный Уэльс и Южная Австралия. Мимоза традиционно произрастала во внутренних засушливых территориях Австралии, отдаленных и малозаселенных. Это слово вошло в состав следующих словосочетаний: *mulga country* (After the rains the mulga country becomes alive with the colour of up to 20 species of flowers in any one area) [8]; *mulga flats* (These mulga flats are intersected by small gun creeks) [9. P. 15]; *mulga paddocks* (Where the mulga paddocks are wild and wide, That’s where the pick of stockmen ride) [10. P. 14]; *mulga scrub* (Most days she rides out bare-back on the piebald horse... and explores the surrounding mulga scrub and the claypan country) [4].

Встречаются также интересные сочетания слова *mulga* с наименованиями животных: *mulga ant* (муравейник, строительным материалом для которого служат листья акации), *mulga parrot* (попугай зеленого цвета с яркими желтыми или голубыми пятнами, обитающий в засушливых районах Австралии), *mulga grass* (растущая пучками или кочкой трава); характерными описаниями человека и его происхождения: *mulga-bred* (уроженец отдаленной территории) либо *Mulga Bill* (деревенский простак). Сформировалось даже такое понятие, как *Mulga Billness*, возникшее по аналогии с *mulga mad-*

ness, для характеристики эксцентричного поведения, характерного для жителей захолустья. Так, в апреле 1909 г. в сиднейском Бюллетене были описаны случаи проявлений *mulga madness*: привычка носить свисающие с полей шляпы и привязанные к ним тонкими жгутами пробки, которыми, как правило, затыкали бутылки; или привычка носить молодого тюленя или щенка в походном котелке; или иметь отношения с девицами легкого поведения [11. С. 18].

Известный английский лингвист Боб Диксон, родившийся в Ноттингеме и получивший образование в Лондоне и Оксфорде, по приезду в 1963 г. в Австралию предпринял попытку изучения языков аборигенов. Однако очень быстро он заметил, что чрезвычайно мало изменилось со времен Е.Е. Морриса, издавшего в 1898 г. словарь *Austral English*.

«In 1963, the languages of Australia were very much a terra incognita. Pitifully little work had been done in the 175 years since the first white invasion, and half-way decent grammars were only available for three or four of the two hundred distinct Aboriginal languages. During my period in the field, there was just one other linguist at work – the Sanskrit scholar Luise Hercus, who was recording the languages of Victoria from their last speakers» [12. P. 14].

До недавнего времени можно было встретить неточное этимологическое толкование заимствований из языков коренного населения Австралии. В первом и последующем дополненном изданиях *Macquarie Dictionary* (1981 и 1985 гг.) в слове *кенгуру* содержалось указание на заимствование из языков аборигенов. Лишь в 1991 г. во втором издании была указана верная этимология для слова *gangurru* – большое черное или серое кенгуру (абориг.; из языка Guugu Yimidjirr). Б. Диксоном была изучена и пересмотрена этимология многих слов. Изменения были зафиксированы в *Australian National Dictionary* в 1988 г. и *Australian Aboriginal Words in English* в 1990 г.

В словарь Б. Диксона вошло, в первую очередь, несколько тысяч топонимов. По сравнению с заимствованиями географических названий количество других заимствований было более скромным. Из разных языков местного населения было заимствовано порядка 440 слов. Как правило, основными языками-экспортерами служили языки, которые были распространены на территориях первых поселений.

Так, например, вокруг Сиднея прибрежное коренное население говорило на языках Dharuk и Eora. Они обогатили английский язык наименованиями животных и растений: *waratah* (дерево с ярко красными крупными цветами округлой формы) (1788), *dingo* (1789), *potoru* (мышинное кенгуру) (1789), *burrawang* (дерево-пальма) (1790), *geebung* (кустарник с плодами, похожими на сливу) (1790), *warrigal* (дикая собака динго) (1790), *koala* (1798), *wombat* (сумчатое животное вумбат) (1798), *pademellon* (кенгуру небольшого размера) (1802), *wonga wonga* (голубь) (1821), *wallaroo* (кенгуру большого размера) (1826), *cobra* (корабельный червь; моллюск) (1836).

В английский язык вошли также слова, обозначающие людей и церемониальные ритуалы: *gin* (женщина) (1790), *koradji* (тот, кто занимается традиционной медициной) (1793), *myall* (незнакомец, более позднее – дикий

абориген) (1798); оружие: *boomerang* (1790), *nulla-nulla* (военный клуб) (1790), *woomera* (метательное взрывчатое вещество) (1793). Еще одна группа заимствований включала наименования для морской стихии и природных явлений: *bogey* (плавать, купаться) (1788), *gibber* (скальный камень) (1790), *gunyah* (укрытие, убежище) (1803), *bombora* (океанская волна у рифа) (1871).

Приведенные примеры, без сомнения, свидетельствуют о первостепенном значении фоновой лексики, которую взяли на вооружение европейцы. Она была необходима для номинации предметного мира. Многие слова составили костяк для обозначения флоры и фауны австралийского континента, религиозных верований, традиционных церемоний и обрядов, явлений окружающего мира. Примерно по тем же законам происходил процесс заимствования из языков северо-американских индейцев в американский вариант английского языка, куда вошли слова *moccasin*, *skunk*, *totem*, *wigwam* и т.д.

Из местных языков, распространенных в Юго-Западной Австралии, в английский язык вошли следующие эндемики – слова-наименования для растений, например эвкалипта: *jarrah*, *karri*, *mallet*, *marri*, *tuart*; для оружия: *kylie* (бумеранг) (1835), для человека: *boylyu* (умный человек) (1841) и т.д.

В 1938 г. поэт Р.С. Ингамеллс ввел в обиход слово *Jindyworobak* из мельбурнского языка для обозначения литературной группы, целью которой являлось дальнейшее продвижение традиционных австралианизмов в литературе и искусстве Австралии.

Китобойцы и торговцы меховыми шкурами обогатили английский язык выражением *mia-mia*, которое обозначало «укрытие».

Как следует из приведенных примеров, общенациональное «прочтение мира» находит отражение в процессах номинации. Выделение лексических групп, содержащих культурный компонент значения: безэквивалентную, коннотативную, фоновую лексику, выражающую особенности семантики языка, ведет к созданию особой образности в контексте австралийской лингвокультуры. С широко распространенными эндемиками (названиями животных и растений) связан целый ряд стереотипных ассоциаций, закрепленных в фоновых знаниях носителей языка. Таким образом, слова-реалии выражают особенности национально-культурной семантики плюрицентричного английского языка (австралийского варианта английского языка) и играют важную роль в его формировании.

Литература

1. **Ощепкова В.В., Петрикова А.С.** Австралия и Новая Зеландия (Лингвострановедческий словарь). М.: Рус. яз., 1998. 214 с.
2. **Блинова О.И., Юрина Е.А.** Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.
3. **Ощепкова В.В.** Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.: Глосса-Пресс; СПб.: Каро, 2006. 336 с.

4. **Moore B.** Speaking our Language. The Story of Australian English. Oxford University Press, 2008. 225 p.
5. **Dixon R.M.W., Moore B., Ramson W.S., Thomas M.** Australian Aboriginal Words in English. Oxford University Press, 2006. 262 p.
6. **Clarke M.** The peripatetic Philosopher. Melbourne: George Robertson, 1989.
7. **Sydney Morning Herald.** 2006. 16 February.
8. **North West Telegraph.** 1991. 3 April, 25.
9. **Tietkens W.H.** Journal of the Central Australian Exploring Expedition. 1891.
10. **Mahood K.** Craft for a Dry Lake. 2000.
11. **Bulletin (Sydney).** 1909. 13 April.
12. **Dixon R.M.W.** Searching for Aboriginal Languages. St Lucia: UQP, 1981.

IMAGE BACKGROUNDED WORDS AS A REFLECTION OF A NATIONAL CULTURE (BORROWINGS FROM AUSTRALIAN INDIGENOUS LANGUAGES IN MODERN ENGLISH)

Grishaeva E.B.

Summary. The article describes how English was likely to develop since the colony was established at Sydney in 1788, how the first settlements needed to accustomise to an alien world, in which entirely unknown and never seen before flora and fauna existed. The further lexical development has been examined via diachronical perspective, including borrowings from indigenous languages, as well as multiple modifications of the meanings of already existing English words.

Key words: aboriginal words; indigenous languages; dialect; generate new terms and collocations; kangaroo; mulga; flora; fauna.